

"Крым" (Симферополь) 1889, 24 мая, № 60

с. 2

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ТЕАТРЪ.

Въ воскресенье, 21 мая, товариществомъ артистовъ подъ управленіемъ Волгиной, дана была драма «Ивановъ». Это—последнее произведеніе молодого драматурга А. Чехова, болѣе известнаго въ литературѣ своими небольшими, полными юмора и художественной правды, беллетристическими произведеніями. Ивановъ—совершенно новый типъ, созданный современными условіями жизни и впервые выведенный на сцену Чеховымъ. Но Ивановъ, типъ не менте, не совѣтъ реальное лицо и, влущше случаетъ, явленіе рѣдкое, исключительное. Лично мы такого типа не знаемъ, но знакомы хорошо съ отдѣльными его чертами. Поэтому мы полагаемъ, что, для созданія такого типа въ лицѣ живого лица, необходима очень тонкая, глубокая наблюдательность, недоступная заурядно-му наблюдателю, или-же, наоборотъ,—создать его искусственно, на основаніи единичныхъ, разбросанныхъ въ обществѣ, характерныхъ для Иванова особенностей. Какъ-бы то ни было, такая натура, какъ Ивановъ, несомнѣнный продуктъ времени и характерна для современнаго интеллекта. Трудно собственно рѣшить, что онъ за человекъ этотъ Ивановъ, какого онъ цвѣта, какая его нравственная фязіономія и какія требованія онъ предъявляетъ къ жизни? То, кажется вамъ, онъ смѣшенъ, жалокъ, тряпка, то онъ возвышается въ глазахъ зрителей, готовыхъ возвести его въ ге-

рой и окружить его ореоломъ мученичества. Но онъ неизмѣнно глубоко трогаетъ, трогаетъ до глубины души и всецѣло завоевываетъ симпатіи зрителей. Трогаетъ Ивановъ, конечно, больше всего потому, что онъ несомнѣнно больной человекъ, психопатическаго склада, уставшій жить, жизнь для него—непосильная ноша, и онъ, какъ самъ выражается, «надорвался». Въ этомъ, какъ намъ кажется, вся суть. Такихъ людей, уставшихъ жить, надломленныхъ и надорванныхъ, всякій изъ насъ знаетъ, и въ Ивановѣ всѣ эти особенности получили, можетъ быть, самое яркое выраженіе. Это, впрочемъ, и служить характеристическою особенностью всякаго типа, и въ этомъ смыслѣ Ивановъ, можетъ быть, имѣетъ право быть отиѣченнымъ, какъ литературный типъ. А разъ Ивановъ надломленный, разъ онъ «надорвался», скажемъ проще, психопатъ, то логики и связи въ его поступкахъ отъ него не ждите.

Онъ любитъ свою жену и, вѣстѣ съ тѣмъ, тѣготится ею, сознаетъ свое фальшивое положеніе относительно Саши Лебедевой—и поддается ей обаянію, знаетъ себѣ цѣну, самъ себя считаетъ нигде негоднымъ человекомъ—и рѣшается, послѣ смерти своей жены, связать свою судьбу съ этой-же самой Сашей, имѣвшей несчастье его полюбить полной энергіей, жизни и самыхъ розовыхъ надеждъ на него и всю ихъ будущность, собирается въ церковь вѣнчаться—и кончаетъ самоубійствомъ. Ивановъ—существо, если можно такъ выразиться, рефлективное, иѣтъ у него собственной воли; созвательная, т. е., провѣренная логикой и чув-

ство, действительность ему недоступна, и жизнь его регулируется импульсами, быстро сходящими друг друга толчками, — словами, рефлексам, исключаями всякое сознательное отношение свое к другим и тем к нему. Такова личность Иванова, в круг которого, как центра, группируются остальные. Но что это за люди, какое ошеломительное чувство они возбуждают! Как тяжело, как грустно на душе! Положительно не знаешь, кто из них подлее; председатель-ли управы Лебедев, безличней, безпардонней пьяница, лицо которого, по мсткому выражению незабвенного Щедрина, «ничего не выражает, кроме только постоянной готовности во всякое время проглотить лишнюю рюмку водки», его дражайшая-ли половина, безсовестная ростовщица, для которой нет ничего на свете, кроме денег и процентов, циничней-ли, бездальней граф Шабельский, дармоед, который вечно ругается и всѣх — в том числе, впрочем, и себя — называет мошенниками, или-же, наконец, плутов, выжиг, мошенник Боркин? Лебедев до того гадок и омерзителен, что мы даже сомневались в возможности существования такого председателя управы. Но разбиравшийся недавно в петербургском окружном суде прощесс Бунаков, бывший председатель управы, обвинявшегося в убийствѣ Шаршавиной и всевозможных мошеннических проделках и подлогах, сразу развеял наше сомнѣніе.

Какъ-бы то ни было, появление «Иванова» должно быть отмѣчено, какъ выдающееся литера-

турное событіе; мы устали отъ этихъ, такъ называемыхъ, quasi—современныхъ пьесъ, пустыхъ, безсодержательныхъ и бьющихъ на витѣнный эффектъ. Послѣ этихъ пьесъ, Ивановъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе: мы видѣли на сценѣ людей, болѣе или менѣе живыхъ, реальныхъ, сталкивающихся въ условіяхъ, болѣе или менѣе действительной жизни.

Обращаясь къ исполненію этой пьесы гастролирующимъ у насъ товариществомъ, мы должны, прежде всего, отмѣтить, что пьеса имѣла большой успѣхъ. Этимъ, собственно говоря, мы все сказали, потому что пьеса совсѣмъ неспенична и успѣхъ ея долженъ быть обусловленъ дружеской игрой опытныхъ артистовъ. Пьеса изобилуетъ большими сценическими промахами, ставящими часто артистовъ въ очень щекотливое положеніе. Г. Никольскій, въ заглавной роли, показалъ себя несомнѣнно — даровитымъ артистомъ, имѣвшимъ возможность блеснуть вередъ симферопольской публикой своимъ знаніемъ сценки, тонкимъ пониманіемъ человѣческой души и всѣми своими сценическими данными. Въ такой роли нетрудно сбиться съ колѣн, — можно впасть въ тонъ вѣчно хныкающаго, ворчливаго, озлобленнаго излохотрика-мизантропа, или-же удариться въ противоположную крайность, т. е., рисоваться, бравировать, ридиться въ тогу неиртзаннаго Гамлета. Но г. Никольскій, по свойственному ему, какъ даровитому артисту, художественному чутью, счастливо избѣгъ этихъ крайностей и создалъ глубоко-трогательный образъ, захватывающій заживое

зовутъ не Аней Петровной, а Саррой), но она мало была похожа на изнуренную, болѣзненную и умирающую отъ такого сграшнаго недуга, какъ чахотка. Очень характеренъ и вполне вѣренъ былъ г. Милославскій въ роли Боркина: всѣ его движенія, походка, гримъ, манера говорить изобличали въ немъ опытнаго артиста. Недуренъ былъ и г. Яковлевъ въ роли графа Шабельскаго. Наконецъ, отмѣтимъ г-жу Леонову, игравшую Сашу Лебедеву, съ умѣньемъ, съ неподдѣльнымъ искреннимъ огонькомъ прочитавшую заключительный монологъ въ послѣднемъ дѣйствіи. Пьеса прошла съ дружнымъ ансамблемъ и имѣла шумный успѣхъ, что, повторяемъ, исключительно зависѣло отъ прекраснаго исполненія артистами.

и оставляющій сильное впечатлѣніе. Въ концѣ третяго акта (заключительная сцена съ женою) и въ концѣ четвертаго акта, т. е., въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ, требующихъ особенной опытности и психологическаго такта, онъ окончательно овладѣлъ публикой, оглашавшей зрительной залѣ продолжительными аплодисментами. Большой успѣхъ имѣла также г-жа Волгина, игравшая Анну Петровну, жену Иванова. Но эта роль, принадлежа по праву ей, какъ выдающейся драматической артисткѣ, не подходитъ ей по ея витѣннымъ даннымъ. По нашему мнѣнію, она должна отказаться отъ такихъ ролей. Мы снова повторяемъ: она создала прекрасный образъ Сарры (Анна Петровна, по пьесѣ, крещеная еврейка и носила въ еврействѣ имя Сарра; по желанію автора ее